



УДК 94(47).084.8

П. П. Полх

**ОБКОМ ПАРТИИ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ,
РУКОВОДИВШИХ СЕЛЬСКИМ ХОЗЯЙСТВОМ
В ПОСЛЕВОЕННОЕ ДВАДЦАТИЛЕТИЕ
(на материалах Калининградской области)¹**

52

Рассмотрена роль Калининградского областного комитета КПСС в организации управления сельским хозяйством Калининградской области в 1946 – 1965 гг. Даны оценки выполнения обкомом функций по распределению полномочий между региональными управленческими структурами, координации действий с союзными ведомствами, контролю над сельскохозяйственным производством и условиями труда колхозников.

The paper analyzes the role of the CPSU's Kaliningrad Regional Committee in agricultural management in the Kaliningrad region in 1946 – 1965. The author estimates the performance of the Regional Committee in distributing powers between regional administrative structures, coordinating actions with Union authorities, and exercising control over agricultural production and working conditions of Kolkhoz members.

Ключевые слова: Калининградская область, 1945–1965 гг., колхозы и совхозы, Областной комитет КПСС, органы управления сельским хозяйством.

Key words: Kaliningrad region, 1945–1965, kolkhozes and sovkhoses, CPSU's Regional Committee, agricultural authorities.

Роль партии в системе руководства абсолютно любым начинанием была традиционным направлением исследований по истории КПСС до такой степени, что выявление этой роли порой подменяло изучение собственно истории советской промышленности, сельского хозяйства, просвещения, культуры, здравоохранения. Ни у кого не вызывает сомнений, что результат этих исследований был очевиден еще до начала работы над темой для самих авторов, да и для потенциальных читателей (как высокопоставленных, так и рядовых): без идейно-вдохновляющей силы в лице партии в целом и рядовых коммунистов ничего бы не вышло или вышло бы значительно хуже. Вместе с тем, вероятно, настало время разобраться, в чем же именно состояла роль партийных организаций различного уровня в системе советского производственного «менеджмента» на разных его участках (в нашем случае – сельскохозяйственного), в конкретные эпохи и в конкретных регионах.

Калининградская область как регион интересна не только своей спецификой (образована на территории поверженного в Великой Оте-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Управленческая инфраструктура сельского хозяйства Балтийского региона 1946–1965 гг.» №15-01-00257.



чественной войне врага, заселена приехавшими в порядке оргнабора жителями российских и белорусских областей; ряд специфических моментов, связанных с приспособлением к полуразрушенной унаследованной системе мелиорации, хуторской системе расселения, и т. п.), но и тем, что она может восприниматься как некий «идеальный тип»: колхозы и совхозы создавались людьми, хорошо знакомыми с данной практикой, а руководители всех уровней (партийные, советские, производственные), если и не до конца представляли, как надо действовать в нестандартных условиях, то понимали, в чем должна состоять их роль в системе управления народным хозяйством вообще и сельским в частности. Середина 1960-х гг. как заявленная граница исследования характеризуется тем, что руководство страны несколько сменило вектор в отношении подхода к материальному обеспечению сельского хозяйства — в сторону значительно больших финансовых вливаний в него [6, с. 158, 181].

Информация о том, чем занимался образованный в 1946 г. Калининградский обком партии в области сельского хозяйства, содержится в фондах Государственного архива Калининградской области (ГАКО) — туда относительно недавно были переданы партийные фонды из областного архива Новейшей истории (ГАНИКО). В ГАКО хранятся также фонды областных и районных организаций, управлявших сельским хозяйством [1–3]. Главным образом, необходимо иметь дело с директивными указаниями, материалами к совещаниям и перепиской с вышестоящими организациями и с управляемыми. В 1948–1963 гг. в структуре областного комитета партии существовал сельскохозяйственный отдел (исключение составляет 1954 г., отмеченный реорганизациями во всей системе управления) [1, оп. 15], позднее работа обкома строилась по функциональному принципу, что, безусловно, усложняет исследовательскую работу по периоду после 1964 г.

Тем не менее и общая документация, и материалы сельскохозяйственного отдела позволяют очертить круг деятельности областных парторганов в области сельского хозяйства. В отношении специфического для истории области периода конца 1940-х гг., когда абсолютно все нужно было выстраивать с нуля, постоянно прибывали переселенцы (и уезжало немецкое население), внимание к разноплановым и разномасштабным вопросам сельской жизни вполне объяснимо — любая проблема могла оказаться существенной. В 1947–1949 гг. сельхозотдел решал вопросы укрепления колхозов, совхозов и мелиоративных станций кадрами, собирал сведения о посевных площадях, вел переписку об организационном состоянии тех же колхозов и совхозов и начавших свою работу машинно-тракторных станциях (МТС), взялся курировать вопрос об электрификации колхозов, обеспеченности хозяйств техникой (тут речь шла во многом о ревизии трофейных тракторов и агрегатов к ним) [1, оп. 1, д. 90–94], о состоянии элеваторов структуры «Заготзерно» [1, оп. 4, д. 57, л. 23]; не была обойдена вниманием и шефская помощь колхозам [1, оп. 4, д. 57, л. 36]. Еще одна специфическая работа — контроль над процессом передачи подсобных хозяйств воинских частей (так называемых военхозов) вновь образуемым совхозам [1, оп. 2, д. 90,



л. 150]. Последующие три года документация сельхозотдела представляет собой справки и статистические данные по сельскому хозяйству, сформированные в дела по не всегда понятным критериям (лишь в отдельных случаях прослеживается тематический принцип — например, электрификация) — они объединяют «решенные» вопросы по результатам проверок того или иного аспекта сельской жизни, как инициативных, так и по сигналам с мест. Присутствуют и дела, не относящиеся к собственно отделу, но касающиеся сельской проблематики напрямую — восстановление Куришгафской мелиоративной системы (в связи с угрозой затопления, 1948 г.) [1, оп. 2, д. 58], помощь райкомам в организации работы на селе, что в 1950 г. было сверхактуально в связи с реорганизацией колхозов в более крупные [1, оп. 6, д. 64, л. 2—4]. Это мероприятие проходило по всей стране, в Калининградской области из 472 колхозов осталось 160, причем некоторые, образованные переселенцами в первые месяцы 1950 г., не успели даже «закрепиться» в отчетных документах под своими названиями [2, оп. 9, д. 198, л. 4].

Означает ли это, что обкомовские работники взяли на себя лишь статистическую работу, для которой, кстати, уже существовало специальное ведомство? Очевидно, нет, поскольку справки и статистические материалы здесь выступают в роли оснований для принятия решений по острым вопросам. Условно эти вопросы можно было бы разделить на такие группы: реализация решений, спущенных сверху (усиление внимания, увеличение объемов, контроль), «пожарное» решение вопросов по создавшимся сложным ситуациям (чаще всего, по сигналам снизу), сопряженное с инициативным обращением «наверх», роль арбитра в вопросах «межведомственного взаимодействия». Одно из решений, которое должно было быть на постоянном контроле, — это меры по повышению урожайности зерновых, намеченные в феврале 1947 г. Пленумом ЦК КПСС и продублированные соответствующими постановлениями Совета Министров в 1947—1948 гг. [4, с. 153—154]. Как по ним мог бы отчитаться обком партии, если отбросить агротехнологические составляющие (хотя их отбросить нельзя — в сельском хозяйстве у нас по традиции разбираются все управленцы, а коммунисты обязаны разбираться по должности)? Через обращение ко всем сторонам колхозной жизни, имеющим хотя бы косвенное отношение к подъему урожайности. В деле обнаруживается информация, что, например, Краснознаменский райком партии из 60 рассмотренных вопросов 22 посвятил именно урожайности, причем в ряде случаев — положению дел в отдельных колхозах [1, оп. 2, д. 112, л. 1]. Этот же райком упустил из виду вопросы принятия и утверждения устава сельхозартели, допустил, что в ряде колхозов было выдано по целых 800 г зерна на трудодень, а заготовлено всего 10 ц зерна и 30 ц картофеля — то есть налично перешлата по трудодням [1, оп. 2, д. 112, л. 2]. Колхозники заготовили сено для общественных нужд, но 25 % стогов смыло в реку Неман, на берегах которой они были оставлены [1, оп. 2, д. 112, л. 4]. И далее — информация с мест, отражающая ситуацию дел вообще: в Зареченскую МТС не пригнаны на усадьбу три трактора, поскольку директор пьян-



ствуется, некуда разместить переселенцев, уезжают трудоспособные, некуда пристроить детей на время работы, незастекленные окна, обед в столовой — одна кислая капуста и картошка без жиров, приписки при заготовках, негативные настроения колхозников в колхозе «День Победы» Озерского района: надо уезжать, будет война [1, оп. 2, д. 112, л. 7]. Понятно, что все это — не отчет, а факты, на которые следовало обратить внимание сотрудникам партаппарата. Информация о высоких показателях подъема зяби (вполне адекватная), устройстве новых колхозов и росте поголовья и надоев также отражалась и находила своего адресата.

В ситуации первых послевоенных лет обком партии должен был представлять разницу между проблемами организационного порядка (и, наверное, относить их на счет собственных недоработок) и объективными трудностями, преодоление которых требовало обращения вверх — в министерства (сельского хозяйства и совхозов — калининградские хозяйства были разделены между двумя ведомствами [6, с. 162]), в ведомственные структуры, отвечавшие за снабжение, а то и в Совет Министров СССР непосредственно к Г.М. Маленкову [1, оп. 1, д. 90, л. 157]. В ряде случаев это действительно объяснимо: например, в 1949 г. в Озёрский район прибыли очередные 2 тыс. переселенцев, нужно было изменить границы приграничной двухкилометровой зоны — там еще оставались пригодные для поселения дома (как известно, южная граница области была проведена почти по географической параллели, часто без учета границ поселений и дорожной сети) [1, оп. 4, д. 146, л. 36]; или открыть в области контору Тракторосбыта, через которую можно было бы направлять запчасти для техники. Однако туда же направлялись просьбы разрешить проблемы более «низкого» уровня: в область завезли минеральных удобрений на 1 млн руб., а кредитов на их приобретение Сельхозбанк выделил лишь на 500 тыс. [1, оп. 4, д. 146, л. 37], аналогичные просьбы по тем же тракторам и запчастями, особенно авторезине (военные передавали грузовики исключительно со стертými покрýшками) [1, оп. 1, д. 90, л. 158–159], по созданию материальной базы созданной опытно-селекционной станции. Шли через обком и более «адресные» ходатайства: в Министерство путей сообщения — о двух вагонах, чтобы вывезти саженцы из Краснодарского края для плододопомника; президенту Академии наук СССР С.И. Вавилову о корректировке плана работы комплексной экспедиции по обследованию природных ресурсов Калининградской области [1, оп. 6, д. 37, л. 138–144].

Запросы в отраслевые министерства заставляли обком работать в роли накопителя заявок с мест: совхозам Мясомолжилттреста требовались летом 1947 г. 40 грузовиков, в том числе 20 — для молока, 200 молочных фляг, 80 молокомеров, 20 центрифуг, 30 сепараторов (на 600 л), 6 тыс. мешков под урожай, специальный автомобиль для приемки молока на месте, 20 тыс. кв. м стекла и 200 т бензина — и эта заявка шла через обком партии [1, оп. 2, д. 90, л. 161]. У исследователя здесь не могут не возникнуть два вопроса: 1) почему в условиях сверхцентрализа-



ции управления народным хозяйством эти вопросы не решались внутри ведомственной вертикали и 2) почему в таком случае партийный орган передавал эти заявки именно советским, а не партийным органам. Здравый смысл подсказывает лишь один общий ответ: авторитет обкома партии превращал хозяйственный вопрос в «политический», придавал ему вес, который должен был заставить соответствующее ведомство изыскать скрытые (или перераспределить существующие) резервы. Собственно, работа обкома партии и должна была состоять в том, чтобы отфильтровать такие «политические» вопросы, прежде чем перенаправлять их в центральные ведомства от своего имени. Обращение же в высшие партийные органы также было бы возможным, но оставалось для крайних случаев.

Вышеизложенное можно было бы отнести к вопросам межведомственного взаимодействия, хотя последнее предполагает общение равных в иерархии структур, но областное, даже партийное руководство навряд ли рассматривалось в таком качестве республиканскими и союзными министерствами. Абсолютное большинство структур областного и районного уровней фактически виделось обкому как подчиненное. Однако были ситуации, когда требовалось именно взаимодействие. Речь прежде всего идет о соседстве на территории области с Советской Армией — именно конфликтные ситуации с ее подразделениями заставляли обращаться в обком, минуя все инстанции. Так, в просьбе о продовольственной помощи в 1947 г. колхозам, расположенным в пос. Кляйн-Гние (ныне Мозырь) [2, оп. 1, д. 3, л. 15], Правдинский райком жалуется, что часть генерала Яновского отказывается возратить 450 т сена, накошенного еще в 1945 г. Еще одна жалоба того же года сообщала о том, что военхоз №47 11-й Гвардейской армии самовольно распал 60 % земель прилегающих колхозов [1, оп. 2, д. 90, л. 2]. Секретарь Славского райкома партии Анциферов жаловался на подсобное хозяйство военторга, у которого склады затоварены молоком и маслом (в 1949 г.!) [1, оп. 4, д. 57, л. 20] по причине того, что сам военторг закупает лишь мясо, — районный руководитель считал, что надо скорее на месте хозяйства создавать совхозы и колхозы. Конфликты у крестьян могли возникать и с правоохранительными органами. Руководителю погранотряда генералу Быковскому в 1947 г. очень не хотелось передавать под Красноозёрскую МТС школу служебного собаководства [1, оп. 1, д. 90, л. 165]. Силами спецконтингента (то есть военнопленных) один из лагерей МВД восстановил Багратионовскую ГЭС, которую ведомственное начальство хотело оставить в своем подчинении, а не передавать для электроснабжения колхозов, — и здесь требовалось вмешательство обкома [1, оп. 1, д. 93, л. 6]. Само собой при передаче военхозов и подсобных хозяйств «силовых» структур в гражданское ведомство обком вынужден был играть роль посредника хотя бы для того, чтобы зафиксировать факт приема на баланс пахотных земель, скота и техники [1, оп. 1, д. 97, л. 10–21], — все это необходимо учитывать при подаче следующих просьб о помощи сельскому хозяйству области.



В решение ряда других вопросов управления сельским хозяйством обком вынужден был вмешиваться уже потому, что через него было проще установить «горизонтальные» межведомственные связи, чем ожидать прохождения сигналов по «вертикальным» ведомственным каналам. Например, организация временной изоляции 5200 коров, поступивших из Германии [1, оп. 1, д. 90, л. 163], в связи с возможным туберкулезом или выяснение причин недопоставки занаряженной техники из других местностей (в частности, не могли дожидаться в 1948 г. 20 тракторов из Саратовской области) [1, оп. 2, д. 112, л. 37]. Однако чаще речь шла о том, чтобы стать дополнительным «приводным ремнем» в вопросах организации заготовок сельхозпродукции и самого трудового процесса в колхозах и совхозах. В первом случае это работы по проверке отчетности при хлебосдаче, состоянию ссыпных пунктов и элеваторов, справедливости начисления налогов, деятельности председателей колхозов, покрывавших низкую заготовительскую активность односельчан. Несмотря на обилие различных органов по заготовке, контролю и статистике, штаты каждого из них были крайне невелики: например, составлять отчетность по 31 показателю для 17 районов в областном управлении сельского хозяйства в 1948 г. [2, оп. 9, д. 104, л. 3] для нескольких человек было явно не под силу. В подчинении государственного контролера по Калининградской области также находилось менее десятка человек, включая технических работников. Поэтому выявленные недостатки должны были стать объектом внимания и обкомовских работников, и подчиненных районных комитетов.

Второй обозначенный момент — ситуация собственно в колхозах. В условиях, когда люди работают за трудодни и право пользования личным хозяйством, а реальных экономических рычагов давления на них не много, да и репрессивные весьма ограничены (переселение в необустроенный край — почти что ссылка), главным механизмом воздействия становится борьба за справедливое участие всех в общественном хозяйстве. Отсюда — разбирательства о соответствии количества трудоспособных в колхозе выработке трудодней, выявление перерасхода трудодней на оплату работников клуба, бухгалтера, лиц, приближенных к правлению колхоза, расследования фактов раздачи на те же трудодни продуктов в обход требований о предварительном расчете с заготовителями. Так, инструктор обкома партии жалуется на то, что дело колхозников, не выработавших минимум трудодней, рассматривалось в Ладушкинском районном суде, а осужденные так и не исправились [1, оп. 4, д. 146, л. 92–93]. Общее настроение по этому поводу выражено в предложении, высказанном в более позднее время: «Хорошо выявляют — борются нерешительно» [1, оп. 32, д. 148, л. 66]. Вероятно, дело не в «кровожадности» партийного руководства или «гнилом либерализме» руководителей на местах, а в тех сложных условиях, в которых находились крестьяне в области, осознававшие, что заменить их особо нечем, а применяемые репрессивные меры вряд ли изменят жизнь к худшему.

Обратимся теперь к более поздним временам, когда руководство страны ослабило и политический, и экономический нажим на крестья-



яństwo, а Калининградская область закончила организованный прием переселенцев и первичное послевоенное восстановление. Назвать эпоху хрущевской «оттепели» относительно спокойной тоже нельзя, поскольку многие начинания, представляющиеся с глобальных позиций мелкими (налоговые послабления личным хозяйствам и стремление ограничить их размер, реорганизация МТС, преобразования колхозов в совхозы с ликвидацией «бесперспективных» хозяйств, поиск универсальных рецептов резкого подъема продуктивности — кукуруза и квадратно-гнездовой метод посадки [5, с. 18–21]), требовали сверхактивности от областной, районных и местных партийных организаций в плане разъяснения их целесообразности, контроля за исполнением и убеждения населения, вышестоящего руководства и самих себя в их эффективности. Такое начинание, как подъем целины, прошло для области почти незамеченным: ни значительных трудовых ресурсов, ни техники Калининградский регион оторвать от себя не мог, поскольку сам нуждался и в том, и в другом. Однако провозглашенная (и забытая по причине своего провала) «мясная целина» — попытка резкого увеличения отдачи от животноводства — не могла не сказаться на области, давшей уже в начале 1950-х гг. высокие показатели надовое и сориентированной на мясо-молочную специализацию [5, с. 23–24].

Для работы обкома и райкомов характерны сезонные вспышки интереса к проблемам заготовки кормов и проведения зимовки скота, которые отмечены соответствующими сводками и отчетами (как, традиционно, и по проблемам сева и уборки). Интересен здесь не столько сам факт внимания, сколько глубина проникновения в проблему. Так, в материалах секретариата обкома обнаруживается информация о том, что в совхозе №144 11 коров имеют одинаковую кличку Волга, 57 вовсе не имеют кличек и проходят под номерами, а 51 не имеет и номеров (к вопросу о безобразно поставленном учете) [1, оп. 26, д. 71, л. 13]; или о том, что в колхозе «Авангард», несмотря на высокую яловость крупного рогатого скота, допускается вольная случка коров [1, оп. 26, д. 130, л. 2–3]; о свиньях, которые поедают расположенные рядом с фермой гурты картофеля. Безусловно, коммунистам следовало вникать во все проблемы, однако в области действовали и областное управление сельского хозяйства, в котором на рубеже 1950–1960-х гг. работало десять отделов, и районные управления, и тресты мясомолочных совхозов, и сельхозотделы райкомов партии. Очевидно, что функция «антикризисного менеджера» в сельском хозяйстве становилась для обкома партии одной из традиционных.

Указанные выше функции также продолжали выполняться. К просьбам, отправляемым «наверх», о выделении техники и денежных средств добавились предложения о списании долгов с колхозов, как правило, в связи с неблагоприятными погодными условиями [1, оп. 32, д. 75, л. 9]. Традиционные межведомственные вопросы (запчасти и удобрения и их распределение) пополнились специфической (по сравнению с остальной Россией) проблемой взаимодействия с мелиораторами. Калининградской области досталось обширное наследство в виде немецких сис-



тем открытой и закрытой дренажных сетей. И ту и другую требовалось восстановить и поддерживать, но, будучи подчинены разным ведомствам, мелиораторы и сельские труженики часто предъявляли взаимные претензии по качеству работ и ущербу, наносимому друг другу [5, с. 165–166]. Это заставляло принимать отдельные постановления по вопросам мелиоративного обустройства.

Не исчезли и проблемы с военными — здесь точно без обкома было не обойтись. Это и потравы 110 га сенокосов и 4 га пашни в ходе танковых учений в 1964 г. — требование возместить ущерб [1, оп. 42, д. 61, л. 47]. Здесь и предложение (в 1958 г.) передать часть складов, расположенных в Гурьевском районе, соседнему совхозу «Нивенский», на которое был дан замечательный ответ командующего Балтфлотом адмирала Н. М. Харламова: нецелесообразно, так как рассредоточение складов сделано на случай атомной угрозы [1, оп. 26, д. 71, л. 40]. Предложение организовать закупку расквартированными военными частями продовольствия у местных совхозов (вместо обширного завоза из-за пределов области) рассматривалось в 1956 г. (с подачи обкома) на самом высшем уровне: маршал И. С. Конев в письме заместителю предсовмина РСФСР М. Г. Первухину объяснял, что войска снабжаются хорошо, а перевод на местных поставщиков, у которых не хватает рабочей силы, вредно скажется на боевой подготовке [1, оп. 19, д. 47, л. 25].

Межведомственное взаимодействие тесно пересекалось еще с одним традиционным участком партийной работы — кадровым. В отношении сельского хозяйства это так же вопрос специфический. Речь не шла о номенклатурном составе (это уровень ЦК КПСС и ЦК республик), хотя руководство управлениями — это тоже своего рода номенклатура областного и районного масштабов. Проблемным участком кадровой работы традиционно являлся подбор председателей колхозов и директоров совхозов, МТС (и далее — РТС, ММС, районных отделений «Сельхозтехники»), специалистов в области агрономии, зоотехники и ветеринарии, причем не только в хозяйствах, но и в районах, а также начальников плановых и финансовых отделов. Помимо нехватки специалистов и сложностей с их переподготовкой это еще и проблема их закрепления на селе. Пятидесятые годы наполнены решениями о перемещении председателей колхозов, назначении успешных руководителей в отстающие хозяйства (по почину В. Гагановой) [1, оп. 30, д. 100, л. 35], отправке в колхозы председателями городских руководителей с сохранением оклада по прежнему месту работы; присутствует в протоколах также разбор жалоб на самодурствующих управленцев, назначение на руководящие посты в колхозах и совхозах близких людей с сомнительной репутацией, несправедливое начисление заработков, саботаж прямых обязанностей специалистами (редко бывают в колхозах). Роль верховного арбитра, которым на региональном уровне выступал именно обком, с одной стороны, подымала его авторитет и давала возможность контролировать ситуацию в целом, но, с другой — повышала планку ответственности (ведь даже формально выборные должности замещались по рекомендациям партийных органов) и требовала вникать в организационные мелочи, для решения которых было достаточно управленческих структур.



Вторая сторона кадрового вопроса — это непосредственно работники совхозов и колхозники, а также все, кто трудился и жил в сельской местности: мелиораторы, сельские строители, работники лесхозов. В небольшой, урбанизированной Калининградской области, где все жители изначально были обеспечены паспортами (это условие переселения в пограничную зону) [5, с. 44 — 46], удержать молодого человека в деревне непросто. Отсюда — перешедший из первых послевоенных лет учет выбытия трудоспособных, жалобы на то, что колхозники переходят на работу в лесхозы и воинские части, констатация факта, что в ряде колхозов нет закрепления коров за доярками и до половины буренок доится «по нарядам» (то есть специально назначенными на данный день колхозницами). Именно поэтому обком становится оперативным штабом по распределению шефской помощи вплоть до того, что обязывает ликеро-водочный завод выделять ежемесячно подшефному хозяйству по баллону ацетилена для проведения сварочных работ. Во многом именно кадровый вопрос заставляет обком проводить инициативные решения по объединению колхозов (присоединению слабых к сильным) или присоединять колхозы к совхозам: с 1950 по 1961 г. количество колхозов сократилось почти на треть — со 160 до 110 [2, оп. 9, д. 1009, л. 5]. Параллельно велась и работа по сокращению управленческих структур и должностей, но это касалось не только сельского хозяйства.

Все вышесказанное позволяет оценить место Калининградского обкома КПСС в системе руководства сельским хозяйством следующим образом: он отнюдь не дублировал управленческие функции специальных организаций (прежде всего Областного управления сельским хозяйством Исполнительного комитета Облсовета и соответствующих районных структур), но и не подменял собой их деятельность. Выступая как внешняя сила по отношению ко всем организациям, связанным с работой на селе, обком необходимо брал на себя ответственность за все «менеджерские» упущения, которые порождались ориентацией на ведомственные интересы и, этого нельзя не признать, слабой экономической заинтересованностью как непосредственных работников, так и руководителей в конечном результате труда (которая неизменно присутствует при рыночной конкуренции). Отдавая отчет в том, что выводы сделаны на региональном материале, позволим себе предположить, что именно такова была роль региональных партийных органов в руководстве сельским хозяйством повсеместно в СССР в послевоенную эпоху.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Калининградской области (ГАКО). Ф. П-1 (Калининградский областной комитет КПСС).
2. ГАКО. Ф. Р-139 (Областное управление сельского хозяйства).
3. ГАКО. Ф. П-226. (Железнодорожный (Калининградской области) райком КПСС).
4. Зеленин И. Е. Совхозы СССР. 1941 — 1950. М., 1969.



5. *История сельского хозяйства Калининградской области (1945–2006)*. Калининград, 2006.
6. *Проблемы истории современной советской деревни. 1946–1973 гг.* М., 1975.

Об авторе

Павел Петрович Полх — канд. ист. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: p.polkh@mail.ru

About the author

Dr Pavel Polkh, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: p.polkh@mail.ru